

Политические процессы в меняющемся мире

«Ядерное противостояние» в Южной Азии

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН

доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Сектор политического и культурологического анализа, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: andreivolodine@gmail.com

Винай ШУКЛА

редактор-консультант по проблемам России и Центральной Азии, ежемесячный аналитический журнал "India Strategic". E-mail: shuklamoscow@gmail.com

ЦИТИРОВАНИЕ: Володин А.Г., Шукла В. (2018) «Ядерное противостояние» в Южной Азии // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 11. № 6. С. 40–55. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-40-55

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется динамика развития соперничества между Индией и Пакистаном в сфере ядерной безопасности. Авторы выделяют два центральных фактора индийско-пакистанского противоборства в сфере ядерных вооружений. Во-первых, индийско-китайский пограничный конфликт 1962 года и вступление КНР в «ядерный клуб» в 1964 году, что обусловило безальтернативность «ядерного выбора» для Индии. Во-вторых, индийско-пакистанские вооруженные конфликты 1965 и 1971 гг., которые подтолкнули правящие круги Пакистана к созданию собственного ядерного оружия. В статье рассматриваются и оцениваются основные этапы развития ядерных программ Индии и Пакистана, анализируется их влияние на развитие геополитической ситуации в регионе Южной Азии. Авторы обращают внимание на незримое присутствие в двусторонних отношениях «китайского фактора» и «всепогодного союзничества» Пакистана и КНР на развитие политиче-

ских процессов в регионе Южной Азии. Подчеркивается необходимость создания системы коллективной безопасности в Азии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Индия, Пакистан, Советский Союз, Россия, Китай, ядерные программы Индии и Пакистана, Индира Ганди, Атал Бихари Ваджнаи, безопасность Южной Азии, пограничный конфликт 1962 г., индийско-китайские отношения, ядерное нераспространение, ДНЯО, ядерный потенциал Индии, ядерный потенциал Пакистана

Пролегомена: Южная Азия в глобальном контексте ядерного нераспространения

Современные проблемы ядерного нераспространения в Южной Азии целесообразно рассматривать в рамках всей системы международных отношений. Вопросы, связанные с появлением двух ядерных держав в регио-

не, стали освещаться в научной литературе еще в начале 1980-х гг. [Marwah 1981]. После окончания холодной войны внимание к теме соперничества Индии и Пакистана в ядерной сфере сохранилось (например, [Perkovich 1993]). Естественно, новая волна интереса к сравнению ядерных программ Индии и Пакистана в научной литературе поднялась после испытания ядерных зарядов обеими странами в 1998 г. (показательна публикация парных статей в 1999 г. в авторитетном американском журнале – [Ganguly 1999; Ahmed 1999]). Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что большинство публикаций отражают подход Запада к проблеме ядерного нераспространения в Южной Азии, тогда как мы пытаемся рассмотреть вопрос в иной исследовательской парадигме.

По сути дела, процесс нераспространения ядерного оружия зашел в тупик. С одной стороны, мощное отрицательное ускорение «антиразоруженческим» тенденциям на глобальном уровне в свое время придал «ливийский кризис», последствия которого до сих пор, пусть и косвенным образом, сказываются на поведенческих мотивациях стран – участниц мировой политики. С другой стороны, распад биполярного мира, а затем и дезинтеграция *униполя* делают практически невозможным управление поведением региональных «центров силы», активно формировавшихся в последние 15–20 лет в недрах прежнего мироустройства. В настоящее время самостоятельным стимулятором начинающейся перегруппировки сил в мировой системе выступает «ядерный фактор»; новые действующие лица выдвигаются на значимые позиции, тогда как логика их поведения во всевозрастающей степени определяет траекторию развития межгосударственных отношений. Выше-сказанное относится и к региону Юж-

ной Азии [Ahmed, Panda, Singh 2012, pp. 1–16].

На индостанском субконтиненте мы наблюдаем взаимовлияние и взаимодействие внутренних, т.е. региональных, и внешних, т.е. международных, факторов в формировании конфигурации геополитических сил, влияющих как на динамику режима нераспространения, так и на перспективы его утверждения в качестве парадигмы межгосударственных отношений. Например, «афганский узел» влияет на поведение США как в Южной Азии, так и на сопредельных территориях. Соединенные Штаты в регионе вынуждены взаимодействовать со своими внешнеполитическими партнерами с учетом исторически сложившихся непростых межгосударственных отношений на пространстве «большой Южной/Центральной Азии», как в Вашингтоне принято именовать регион, охватывающий собственно Южную Азию, Афганистан и Иран, бывшие советские республики Средней Азии [Ahmed, Panda, Singh 2012, pp. 65–127].

Союзнические отношения серьезно ограничивают свободу действий Америки в сфере контроля над нераспространением ядерного оружия. Так, в 1962 г. с помощью США в Пакистане был введен в действие первый атомный реактор. Уже после индо-пакистанской войны 1965 г. в элитных кругах Исламской Республики обнаружили намерения использовать энергию атома в военных целях. Служивший в то время министром иностранных дел Зульфикар Али Бхутто (впоследствии премьер-министр Пакистана) якобы произнес «судьбоносные» слова: «Если Индия создаст [атомную] бомбу, мы будем питаться травой или листьями, мы будем голодать, но сотворим то же самое» [Pakistani Nuclear Program 2018].

Ядерная программа получила дополнительное ускорение после уни-

зительных для Пакистана итогов войны с Индией 1971 г. Программа создания ядерного оружия получила кодовое наименование «Проект-706». Первоначально «проект» курировал ставший премьер-министром З.А. Бхутто, а после переворота 1977 г. ядерная программа всецело оказалась под контролем военных.

Ввод советских войск в Афганистан (1979 г.) резко повысил место Пакистана в иерархии внешнеполитических приоритетов Вашингтона. Стратегический союзник пользовался особым расположением президента США Р. Рейгана. Последний (1982 г.) так оценил военного руководителя Пакистана генерала Зия-уль-Хака: «Он хороший человек. Дал мне слово, что они (Пакистан. – А.В., В.Ш.) не создают атомную или водородную бомбу. Он (Зия-уль-Хак. – А.В., В.Ш.) привержен помощи афганцам и противодействию Советам» [Pakistani Nuclear Program 2018].

Уже в первой половине 1980-х гг. Исламская Республика провела серию «холодных испытаний», т.е. взрывов снарядов, не имеющих расщепляющихся материалов. Позже Пакистан достиг соглашения с КНДР, смыслом которого было получение баллистических ракет «Нодонг» в обмен на технологии обогащения урана.

ЦРУ и другие разведведомства США были, как известно, всесторонне информированы о созданной опытным пакистанским физиком-ядерщиком А.К. Ханом сети нелегальных операций с соответствующими технологиями и материалами, которая охватывала своим влиянием «клиентов» на обширном пространстве от Ливии до Северной Кореи. Однако «геополитические императивы», т.е. статус Пакистана как «прифронтового союзника» США, резко снижали эффективность действий Америки в отношении нарушителей режима нераспространения.

Не отрезившись от представления о «союзнничестве» как о некоей форме «ограниченного суверенитета», Соединенные Штаты стремятся развивать «стратегический диалог» с Индией [Ahmed, Panda, Singh 2012, pp. 123–124]. Переосмысление общего курса США в отношении «крупнейшей демократии мира», а также внутривнутриполитические перемены в этой стране стимулируют «смену вех» во внешнеполитическом мышлении правящего класса Америки.

Американцы ясно представляют себе, что быстроразвивающаяся индийская экономика (при явно ограниченном естественном энергетическом потенциале) остро нуждается в альтернативных, «неклассических» источниках энергии. Так, по прогнозам индийских экономистов и демографов, к 2030 г. в стране будет насчитываться никак не менее 60 городов-миллионеров, что делает форсированное развитие атомной энергетики стратегической задачей государства. США в отношениях с Индией исходят из того, что ядерные объекты в Индии, возведенные с помощью национальных технологий, нуждаются в качественном совершенствовании систем защиты, и развивают активную деятельность в области атомной энергетики.

Однако намечающееся американо-индийское сотрудничество в атомной энергетике уже стало (и продолжает оставаться) объектом направленной внутривнутриполитической критики в Индии. Критики «пластичного» подхода к этому сотрудничеству, в частности бывший премьер А.Б. Ваджпай (1924–2018 гг.), полагают «невозможным и нецелесообразным» разделение военного и гражданского сегментов атомной промышленности в Индии со всеми вытекающими последствиями, включая развитие национальной ядерной программы. «Принцип разделения», по их мнению, даст внешним силам воз-

возможность вмешиваться в деятельность атомной отрасли Индии, в частности под предлогом совершенствования систем защиты ядерных объектов. Далее, соглашения с США, по мысли скептиков, лишают Индию необходимой «гибкости» в определении размеров и качества «национального потенциала ядерного сдерживания» (в направлении КНР и Пакистана). Так, правительство во главе с А.Б. Ваджаи (Бхаратия Джаната Парти – БДП) (1998–2004 гг.) всячески противилось внешнему контролю над индийским ядерным потенциалом [Paranjpe 2013, pp. 105, 107]. К слову сказать, подобная позиция пользуется устойчивой поддержкой у основных социально-политических сил страны и у подавляющего большинства населения Индии.

Свою критическую лепту в оценку деятельности правительства ИНК на фронте ядерной кооперации с США внесли и вносят левые силы. В свое время политбюро КПИ (марксистской) выступило с заявлением, в котором открытие ядерных объектов гражданского назначения для проведения МАГАТЭ характеризуется как «одностороннее отступление от принятой страной ядерной политики без предварительного обсуждения в парламенте, правительстве и с партнерами по коалиции».

Политологи отмечают: важной причиной активизации американо-индийской кооперации в атомной отрасли является динамичный рост экономики «крупнейшей демократии мира», требующий серьезной энергетической подпитки. В настоящее время доля ядерной составляющей в общем энергобалансе Индии не превышает 3%, тогда как в 2050 г. она может составить 23–25%. Однако эксперты-скептики задаются вопросом: является ли заинтересованность в американских технологиях достаточным основанием для ради-

кальных сдвигов в ядерной стратегии Индии? Речь, понятно, идет о внешнем контроле над индийскими ядерными объектами и, как считают некоторые эксперты и политики, о возможности частичной утраты *политического* суверенитета страны.

«Скрытая повестка» американцев, пытающихся с помощью Индии если не предотвратить, то хотя бы замедлить энергичное совершенствование ядерного потенциала Китая, может иметь неожиданные для самих США последствия. Уже сейчас в Пакистане на высшем уровне обсуждается возможность еще более тесной кооперации с Китаем в качестве средства сдерживания «ядерных амбиций» Индии [Ahmed, Panda, Singh 2012, pp. 342–343]. Кооперация КНР и Пакистана в сфере атомной энергетики негражданского назначения, как утверждают западные эксперты, берет истоки в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Именно тогда начались визиты пакистанских специалистов-ядерщиков в Поднебесную, а 26 мая 1990 г. на китайском полигоне Лобнор (Lop Nur) было испытано пакистанское взрывное устройство, смоделированное по параметрам изделия СНИС-4, которое прежде использовалось в атомной отрасли КНР [Pakistani Nuclear Program 2018].

Проблематика ядерного нераспространения время от времени перемещается на первые полосы органов международной печати, и эта тенденция легко объяснима. Во-первых, выявилась неспособность ядерных держав убедить противников нераспространения, а также колеблющихся в том, что нынешний правовой режим способен эффективно обеспечивать их безопасность. Во-вторых, события на Балканах, в Ираке и Ливии (а возможно, и в Сирии) побудили многие страны повнимательнее «вчитаться» в аргументы противников нераспространения,

прежде всего Индии, полагающих нынешний порядок вещей «нелогичным» и «несправедливым», являющимся, по сути дела, частью неокOLONиалистской культуры управления миром.

В контексте новых тенденций в мировой политике некоторые эксперты высказывают мнение о неизбежном и скором наступлении «переходного периода» расширения клуба ядерных держав и о возможной стабилизации режима нераспространения на уровне 12–13 государств, обладателей оружия массового поражения. (В настоящее время, напомним, в «ядерном клубе» состоят девять членов – США, Россия, Великобритания, Франция, Китай, Индия, Израиль, Пакистан, КНДР.) Логике распространения оружия массового уничтожения можно представить как некую цепную реакцию, одновременно выступающую и в качестве системы причинно-следственных связей, подталкивавших некоторые государства к членству в «ядерном клубе». Так, для Советского Союза экзистенциальное значение имело лишение Соединенных Штатов «ядерной монополии». Китай догонял СССР. Индия не могла себе позволить отставания от Поднебесной в сфере ядерных технологий. Пакистану оружие массового уничтожения было жизненно необходимо, чтобы чувствовать себя спокойно по соседству с сверхкрупной Индией.

Задаваясь сакраментальным вопросом «а судьи кто?», некоторые специалисты обращают внимание на наличие «скрытой повестки» в подходе Соединенных Штатов к режиму нераспространения ядерного оружия. Так, американцы несут «косвенную ответственность» за ядерную программу Пакистана, поскольку США сознательно закрывали глаза на известные им факты, опасаясь потерять поддержку Пакистана в противодействии советским войскам в Афганистане в 80-е гг. про-

шлого века. Задолго до вывода советского воинского контингента из Афганистана, считают некоторые эксперты, Пакистан обрел способность производить ядерное оружие.

В этой связи нелишне вспомнить: у влияния США на поведение потенциальных членов «ядерного клуба» есть свои пределы; возможности Америки принудить эту страну, т.е. Пакистан, к «сотрудничеству» на своих условиях ограничены действием как минимум трех факторов.

1. Военные действия в Афганистане и Ираке, а также «арабские революции» первой половины 2011 г. вызвали мощную резонансную волну антиамериканизма по всему миру, включая, разумеется, исламскую ойкумену. Американский истеблишмент, похоже, сознает: меры, направленные против Пакистана, в частности с целью «защиты» ядерного потенциала этой страны от радикалов-исламистов, помимо чисто военных издержек, вызовут новый всплеск насилия против американцев по всему миру. К тому же чрезмерный алармизм Запада после событий 11 сентября 2001 г. относительно способности Пакистана контролировать свое ядерное оружие, как и предупреждали российские эксперты, не оправдал себя [Сотников 2011].

2. Военная акция против Ирака, как известно, вызвала даже у наиболее стойких союзников Америки сомнения относительно истинных мотивов поведения США и реальных целей, которые они преследовали (и преследуют).

3. Администрация США убедилась в том, что защита режима нераспространения ядерного оружия силами одной страны малоэффективна. Немалый урон делу нераспространения нанесли бомбардировочные акции против Югославии, а равно и совместный с Великобританией и Францией демонтаж режима М. Каддафи в Ливии.

Между тем сама логика процесса нераспространения и его конкретных формопроявлений, особенно в контексте нынешнего хаотического развития мира побуждает правящие круги многих стран, причем отнюдь не только государств-«изгоев», со всей серьезностью отнестись к оценке поведения США и их ближайших союзников, которые используют Договор о нераспространении ядерного оружия в своих геополитических интересах.

В Индии, например, считают, что существуют серьезные юридические ограничения, встроенные в Договор (ДНЯО), которые препятствуют этой стране, несмотря на «ядерное соглашение» с США, формально зафиксировать свой реальный ядерный статус. Согласно Договору, ядерным государством является страна, осуществившая испытания соответствующего устройства по состоянию на 1 января 1968 г. Таким образом, как полагают в Дели, Договор юридически создал «закрытый клуб» пяти ядерных держав – США (1945), России (1949), Великобритании (1952), Франции (1960) и Китая (1964) и тем самым подверг дискриминации неядерные государства, т.е. основную часть мирового сообщества. Такого рода дискриминация, по мнению влиятельных групп индийской политической элиты, осуществляется посредством «невыполнимого» международно-правового режима, поддерживаемого, в частности, проверками МАГАТЭ.

Ядерные программы Индии и Пакистана: логика, обоснование, параметры, перспективы

На начальном этапе своего развития, который покрывает период с 1944 по 1960 г., программа развития атомной энергии и энергетики имела ис-

ключительно мирную направленность. Джавахарлал Неру, первый премьер-министр страны (1947–1964), полагавший атомное оружие «символом зла», придавал важное значение промышленному использованию атомной энергии. (Дальнейшее развитие Индии подтвердило *стратегический* характер подобной оценки.) Тем не менее лидер Индии допускал при определенных обстоятельствах и иную направленность атомной энергетики. Хорошо известны его слова, сказанные еще в 1940-е гг.: «Само собой разумеется, если нас вынудят использовать [атомную энергетику] в иных целях, никакие благочестивые мысли не удержат нас от решительных действий» [Indian Nuclear Program 2018]. Изначально Индия последовательно выступала против подготовленного американцами «плана Баруха» (1946), который формально предлагал международный контроль над атомной энергетикой, а на самом деле, как полагали в Дели, преследовал цель запретить национальные исследовательские программы в данной области и в конечном счете производство атомной энергии.

Между тем развитие атомной энергетики в стране продолжалось, и в июле 1960 г. был запущен первый индийский атомный реактор (CIRUS), созданный при содействии Канады. Имея мирную направленность, CIRUS был способен производить обогащенный плутоний, который впоследствии использовался для проведения первого взрыва атомного устройства в 1974 г., имевшего, по представлениям индийских официальных лиц, мирный характер.

Напряжение в отношениях с Пакистаном, безусловно, способствовало развитию ядерной программы Индии военного направления. Однако это утверждение относится к более позднему периоду «ядерной истории». Первотолчком к созданию ядерного арсенала

ла Индии послужил пограничный конфликт с Китаем 1962 г.

Тяжелый урок этого конфликта стал своего рода водоразделом, «пробуждением от высокого идеализма и нормативных этических принципов» в политике, характерных для эпохи Дж. Неру.

Превращение Китая в ядерную державу в 1964 г. (испытания состоялись в октябре) логически обосновало и окончательно закрепило «ядерный выбор» Индии. Первоначально Индия добивалась помощи Америки в развитии национального атомного проекта. Однако в феврале 1965 г. стало ясно: Индия должна полагаться на собственные силы. Положение сторонников «ядерного выбора» осложнялось и позицией второго премьер-министра Индии, Лала Бахадура Шастри, противившегося созданию ядерного оружия по этическим соображениям.

Однако 1966 г. принес кардинальные изменения в динамику «атомного проекта». В январе Л.Б. Шастри скоропостижно скончался в Ташкенте, где 10 января 1966 г. была подписана Ташкентская декларация по итогам встречи Л.Б. Шастри и президента Пакистана М. Айюб Хана при участии председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина. (Советский Союз был инициатором встречи, преследовавшей цель нормализовать отношения между Индией и Пакистаном после войны между двумя странами в 1965 г. На следующий день после подписания Декларации Л.Б. Шастри ушел из жизни после сердечного приступа.)

Преемником Л.Б. Шастри стала дочь Дж. Неру Индира Ганди (1917–1984), считавшаяся убежденной сторонницей «ядерного выбора» как безальтернативного курса в условиях *качественного* изменения региональной и глобальной ситуации после октября 1964 г. Таким образом, ядерная программа Ин-

дии получила «политическое ускорение».

События продолжали стремительно развиваться, и на их динамику все возрастающее влияние оказывало желание Индии стать *самостоятельной* силой не только в региональной, но и в мировой политике. Эксперты полагают: решение тестировать ядерное взрывное устройство было в значительной степени мотивировано желанием индийской элиты продемонстрировать свою независимость от Запада. Так, в 1968 г. Индия не подписала Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), попутно обвинив членов «ядерного клуба» в «атомном сговоре» (“atomic collusion”) и в отсутствии в тексте Договора *различения* ядерных взрывов на мирные и военные. В августе 1971 г. Индия вновь продемонстрировала свою независимую позицию, подписав с Советским Союзом Договор о мире, дружбе и сотрудничестве, который определенно расширял свободу маневра для Дели в мировой политике. Договор с СССР незримо присутствовал на полях индо-пакистанских сражений конца 1971 г., которые в итоге привели к созданию в Южной Азии нового независимого государства – Народной Республики Бангладеш.

Как считают знатоки проблемы, Индира Ганди приняла стратегическое решение о ядерных испытаниях в сентябре 1972 г. Руководитель ядерной программы Индии профессор Раджа Раманна впоследствии так оценивал атмосферу, царившую в научном коллективе в те дни: «Для нас создание [ядерного устройства] было делом престижа и оправданием нашего великого прошлого. Проблема потенциала сдерживания возникла много позже. Как индийские ученые мы стремились убедить наших западных коллег, которые в то время были о нас невысокого мнения, что мы тоже способны сотворить

подобное изделие (т.е. ядерное взрывное устройство. – А.В., В.Ш.)» [Indian Nuclear Program 2018].

Первый, «экспериментальный» ядерный взрыв Индия произвела 18 мая 1974 г. на полигоне Покран, в 450 километрах на юго-запад от Дели. Сила взрыва тогда составила 12 килотонн (согласно другим данным, восемь килотонн). Якобы при передаче Индире Ганди информации о результативном испытании Р. Раманна прибеж к иносказанию: «Будда улыбается». Правительство Индии квалифицировало «улыбку Будды» как ядерный взрыв в мирных целях. Тем самым была подтверждена позиция Индии о необходимости дифференцировать по назначению такого рода испытания. Реакция Запада не заставила себя ждать: Канада прекратила сотрудничество с Индией в атомной энергетике, тогда как Соединенные Штаты ввели в отношении Индии соответствующие санкции. В свою очередь госсекретарь США Г. Киссинджер выразил мнение: отныне даже локальный конфликт может обернуться «ядерным апокалипсисом» [Indian Nuclear Program 2018].

В последующие 15 лет работы по совершенствованию ядерных «изделий» продолжались, однако в ограниченных масштабах. Впрочем, серьезное внимание в этот период уделялось развитию и совершенствованию средств доставки ядерных зарядов. Индийские авторы подчеркивают: стратегическое решение о масштабном развертывании потенциала ядерного сдерживания было принято не ранее 1988–1989 гг., как ответ на энергичные усилия Пакистана по разработке и созданию, не без помощи КНР, собственного ядерного оружия. Вместе с тем, как уже отмечалось, США не препятствовали правящим кругам Пакистана овладевать соответствующими технологиями по причинам геополитического характера.

Испытания Индией ядерных устройств в мае 1998 г. (общая сила взрыва достигала, по официальным данным, 45 килотонн) стали реализацией одного из ключевых положений предвыборного манифеста БДП, возглавившей правящую коалицию после парламентских выборов 1998 г., которые состоялись двумя месяцами ранее. (Спустя менее чем три недели свои первые ядерные испытания провел Пакистан). В Индии принято считать, что эти испытания создали условия для разговора на равных с членами «ядерного клуба» и подготовили новый формат участия Индии в режиме нераспространения [Debroj, Tellis, Trevor 2014, p. 298].

Спустя год, в апреле 1999 г., были проведены успешные испытания ракеты-носителя ядерного оружия «Агни-2», имеющей дальность полета до 2000 км. Прошло несколько лет, и в июле 2007 г. была, с положительным результатом, апробирована баллистическая ракета нового типа, «Агни-3», способная доставить ядерный боезаряд на расстояние до 5000 км. Помимо баллистических ракет, ядерные заряды могут доставляться до цели с помощью самолетов «Ягуар», «Мираж-2000Н», МиГ-27 и МиГ-29. Существуют также проекты диверсификации системы доставки ядерных боезарядов. Во-первых, планируется повысить выживаемость национального ядерного потенциала за счет форсированного развития Индией атомного подводного флота. На атомных субмаринах в будущем предлагается устанавливать ракеты с разделяющимися головными частями индивидуального наведения. В перспективе подобное подводное судно может нести на себе до 12 ракет, причем каждое «изделие» будет способно содержать по восемь головных частей индивидуального наведения. Во-вторых, предполагается «модифицировать» существу-

ующую в стране систему железных дорог, приспособив ее для нужд постоянного перемещения боезарядов и их носителей. В-третьих, в специальных изданиях обсуждается – пока в теоретической форме – перспектива увеличения потенциала ядерного сдерживания до 200 боезарядов, с тем чтобы создать реальные риски 10–12 основным промышленным и политическим центрам Китая. (В настоящее время, по западным экспертным оценкам, Индия располагает 135 боезарядами, тогда как в распоряжении Пакистана подобных устройств 145) [Nuclear Weapons: Who Has What at a Glance 2018].

Так или иначе, приходится признать: действия блока НАТО во главе с США против Югославии весной-летом 1999 г., а также аналогичные акции против Ливии весной-летом 2011 г. наглядно продемонстрировали внешнему миру жизнеспособность индийской логики неприсоединения к Договору. Более того, после указанных событий в мире окрепло убеждение: ядерное оружие является надежной гарантией против доктрины «ограниченного суверенитета» и реализующей ее политики «унилатерализма».

После продления в 1995 г. Договора (ДНЯО) на неопределенный срок правящие круги Индии не видят неотложной необходимости вносить в существующий документ поправок, отражающих новые тенденции в области нераспространения ядерного оружия. Общую позицию индийской элиты без обиняков сформулировал 6 октября 2004 г. (вскоре после избрания на пост руководителя правительства страны) на встрече с канцлером Германии Г. Шрёдером премьер-министр М. Сингх, подчеркнувший, что условия для присоединения его государства к Договору о нераспространении ядерного оружия «пока не созрели». (Впоследствии эта точка зрения неоднократно повто-

рялась высшими представителями индийского правящего класса.)

Уже сравнительно давно авторитетные военные эксперты и исследователи-политологи отмечают «хрупкость» режима нераспространения ядерного оружия. По-своему это противоречивое состояние отражается и в позиции Индии [Володин 2006, с. 4–7]. Поведенческую логику Индии в отношении нераспространения ядерного оружия схематично можно представить в следующем виде.

Индия последовательно придерживалась своей ядерной политики, которая, как полагают индийские военные аналитики, за это время была «разумной». Действительно, трудно оспорить центральный индийский тезис: нераспространение выступает как скрытая форма господства для одних и подчинения для других. Индия, как известно, входит в тройку стран мира наряду с Пакистаном и Израилем, отказавшихся подписывать ДНЯО по своим, сугубо конкретным геополитическим и стратегическим соображениям. Позиция Индии с 1968 г., как видно, не претерпела изменений. Так, отвечая на вопрос об отношении страны к Договору в нижней палате индийского парламента Лок Сабхе в августе 2010 г., бывший министр иностранных дел Индии С.М. Кришна в очередной раз повторил официальную позицию Нью-Дели по проблематике нераспространения, в частности подчеркнув: «Индия имеет давнюю и последовательную позицию в отношении ДНЯО, которая состоит в том, что Договор имеет дискриминационный характер. Позиция Индии остается неизменной. Несмотря на то что Индия не является участником ДНЯО, мы по-прежнему привержены глобальному, недискриминационному и поддающемуся проверке ядерному разоружению и полной ликвидации ядерно-

го оружия в определенные сроки» [Володин 2006].

Позицию Индии по отношению к Договору о нераспространении целесообразно рассматривать в современном контексте мировой политики. Выход Северной Кореи из Договора о нераспространении ядерного оружия в 2003 г. (руководство КНДР заявило, что совершает этот шаг в знак протеста против нарушения суверенитета страны), повлекший за собой жесткие санкционные последствия, а равно и аналогичные действия США против Ирана, кстати подписавшего ДНЯО, являются наиболее вопиющими примерами явного несовершенства договора, с самого начала имевшего цель увековечить мировой порядок после Второй мировой войны, когда пять государств-победителей – Советский Союз, Китай, Франция, Великобритания и США не только были постоянными членами Совета Безопасности ООН с полномочиями вето, но и фактически составили своеобразный, закрытый для участия других стран «ядерный клуб». Так мыслит внешнеполитический истеблишмент в Дели, и эту позицию поддерживает общественное мнение страны.

Воспользовавшись победой в войне с Пакистаном и созданием в Южной Азии нового государства Бангладеш в 1971 г., премьер-министр Индира Ганди приняла политическое решение о реализации проекта «Улыбающийся Будда», проверив первое ядерное устройство Индии в 1974 г. Основной аргумент премьер-министра заключался в том, что проведенные испытания были ядерным взрывом в мирных целях. Индира Ганди исходила из того, что «официальные» ядерные державы, в том числе СССР, провели ядерные взрывы в мирных целях. СССР, например, осуществил подобный взрыв для создания подземного хранилища газа в Туркменской ССР.

В Индии до сих пор бытует мнение, согласно которому четыре постоянных члена Совета Безопасности ООН и – «по совместительству» – действующие ядерные державы ожидали своего пятого коллегу – КНР, чтобы раз и навсегда закрыть клуб ядерных «имущих». Неслучайно один из индийских экспертов даже образно назвал сложившуюся ситуацию «ядерным апартеидом» [Singh 1998]. Правда, американские ученые показывают, что в США никогда не были в восторге от ядерной программы КНР, но не сумели ей воспрепятствовать [Burr, Richelson 2000]. Тем не менее можно *ретроспективно* предположить, что Индира Ганди рассчитывала, предпринимая такие действия, на приглашение Индии и в Совет Безопасности ООН, и в желанный «ядерный клуб». Впоследствии, уже после «улыбки Будды», премьер-министр Индии Атал Бихари Ваджапаи (1998–2004) воспроизвел гипотетические размышления Индиры Ганди в беседе с президентом США Б. Клинтонем [Indian Nuclear Program 2018].

Нынешняя реальность мировой политики, полагают в Дели, оправдывает позицию Индии в отношении ДНЯО. И вправду: проблемы отношения и Северной Кореи, и Ирана к режиму нераспространения ядерного оружия стали своеобразными заложниками *внутриполитической* стратегии и тактики 45-го президента США Дональда Трампа.

Важное напоминание: вопрос о подписании СССР/Россией Договора о нераспространении ядерного оружия никогда не был частью повестки двусторонних отношениях Москвы и Дели. Однако целесообразно напомнить, что по крайней мере однажды наши страны выступили против распространения ядерного оружия. Так, подписанная 27 ноября 1986 г. Индией и Советским Союзом Делийская декларация о принципах безъядерного и ненасильственного

мира стала выдающимся политическим документом «закатных» лет холодной войны. Подписав Делийскую декларацию, премьер-министр Индии Раджив Ганди и советский лидер Михаил Горбачев призвали к полному уничтожению ядерных арсеналов до конца XX в. и заявили о *безальтернативности* ненасилию при решении проблем человечества.

Призыв к построению гармоничного мира будущего не был услышан, и к концу второго десятилетия XXI в. глобальный порядок, некогда основанный на «взаимно гарантированном уничтожении», пребывает в состоянии разрастающегося хаоса. Так, возможный выход Соединенных Штатов из Договора по ракетам средней и меньшей дальности, несомненно, окажет дальнейшее негативное воздействие на сферу ядерной и неядерной безопасности региона Южной Азии.

Хорошо известно, что в распоряжении Индии, Пакистана и Китая находится определенное количество ракет данного класса. В настоящее время силовой «треугольник» Дели – Исламабад – Пекин имеет, с известными оговорками, *устойчивый* характер. Выход США из договора по РСМД почти автоматически подтолкнет Китай к наращиванию ракет средней и меньшей дальности, поскольку возникнет реальная перспектива размещения новых летательных аппаратов на Дальнем Востоке. В свою очередь Индия, реагируя на действия Китая, будет вынуждена увеличить производство ракет данного класса, что неизбежно и окончательно нарушит баланс стратегических сил в Южной Азии.

В среде индийских военных экспертов до сих пор бытует мнение: ядерная гонка в Южной Азии началась с того, что Китай стал обладателем оружия массового уничтожения с помощью советской техники и технологии для

противодействия американской угрозе. (Российские специалисты, историки-международники и военные, вносят уточнение: теоретически сотрудничество могло иметь место, однако затем последовал отказ советского руководства разделить «атомные секреты», что и стало истинной причиной последующего советско-китайского идеологического диспута; в данном случае разногласия по развитию международного коммунистического и рабочего движения имели явно *вторичный* по отношению к сфере «чувствительных» технологий характер.) Тем не менее с октября 1962 г. «угроза с севера» стала центральным фактором для индийской безопасности. В Индии вынуждены учитывать и «всепогодное союзничество» Исламабада и Пекина, что требует проведения стратегии «минимального надежного сдерживания».

Правительство Индии оперирует не только цифрами, но и прежде всего идеями и оценками. Спустя почти три года после испытаний ядерного оружия 1998 г., отвечая на вопрос об оборонной политике страны в Народной палате (Лок Сабхе), государственный министр иностранных дел У. Кришнама Раджу, в частности, сказал: сдерживающий фактор в политике Индии не предполагает фиксированную количественную оценку; это политический подход, продиктованный и определяемый контекстом динамики нашей среды безопасности.

Своими особенностями обладает подход пакистанского политического истеблишмента к нераспространению ядерного оружия. Так, бывшему президенту Первезу Мушарафу приписывают следующее высказывание: «Ядерное оружие только тогда имеет значение, когда оно находится в операциональном состоянии и когда не определены цели и перспективы его развертывания». Некоторые специалисты вы-

сказывают предположение, что Пакистан в случае «необходимости» может увеличить свой потенциал до 200–220 боеголовок.

Столкновение неизбежно?

В связи с актуализацией проблем ядерного нераспространения в Южной Азии стоит напомнить: лишь отдельные аналитики на Западе связывают непрочность режима нераспространения с конъюнктурно-недальновидной деятельностью США и их ближайших союзников, включая, помимо «гуманитарных интервенций», участие компаний из развитых стран в формировании «серого рынка» ядерных материалов. Подобные материалы (loose nukes) могут оказаться в руках исламистов-радикалов, что представляет собой непосредственную угрозу режиму ядерного нераспространения. Далеко не всегда исламистов-радикалов в реальной жизни можно отделить от международных террористов. Южная Азия – наглядный пример подобного политического симбиоза, тогда как обе силы, как правило, выступают с позиций «ядерного национализма».

На сознательное, политически мотивированное использование правящими кругами Пакистана «ядерного национализма» как субститута социально-экономической модернизации страны нередко указывают индийские масс-медиа. Пакистанские журналисты, словно возражая подобной логике, утверждают, что налицо стремление Индии отвлечь международное сообщество от энергично развивающейся собственной ядерной программы. В Индии же провести четкую разграничительную линию между различными социально-политическими силами в их отношении к ядерному оружию практически невозможно:

при правительстве ИНК был осуществлен первый ядерный взрыв, тогда как лидеры БДП после испытаний 1998 г. сделали Индию де-факто ядерным государством.

Однако следует называть вещи своими именами. Запад во главе с США в свое время фактически провалил серьезные совместные усилия Бразилии и Турции по введению ядерной программы Ирана в режим нераспространения ядерного оружия. А в настоящее время ядерное соглашение с Ираном, в муках достигнутое в 2015 г., испытывается на прочность администрацией Д. Трампа. Оказались фактически проигнорированными и инициативы Индонезии и других стран по мирному урегулированию внутриливийского конфликта. Поэтому всякие действия США и их ближайших союзников на поприще ядерного нераспространения едва ли вызовут приток симпатий у «новых региональных лидеров», как и поддержку ими всевозможных «разоруженческих» инициатив, исходящих из Вашингтона.

Выражаясь философски, Индия и Пакистан представляют собой неразрывное диалектическое единство практически всех аспектов исторического, экономического, социокультурного и военно-политического бытия региона Южной Азии. Таким образом, ядерные программы обоих государств органически интегрированы в структуру двусторонних отношений, что оказывает мощное обратное влияние на общий алгоритм поведения двух главных акторов южноазиатского геополитического пространства. Более чем 40-летняя история взаимоотношений Индии и Пакистана (а также с самого начала незримо присутствующего в них Китая), связанная с обретением и развитием ядерного оружия, позволяет сформулировать некоторые заключения о перспективах нераспространения ОМУ в Южной Азии.

1. Южноазиатский регион оказался вовлеченным в гонку ядерных вооружений во многом под влиянием «демонстрационного эффекта», а именно: обретения Китаем ОМУ в 1964 г.

2. Логика и инерция дальнейшего развития событий, т.е. последовательного обретения ядерного оружия Индией и Пакистаном, оказались неподконтрольными влиянию как «ядерного клуба», так и международных политических институтов.

3. Авантюрно-безответственные действия Запада во главе с США в других регионах мира (Югославия, Ирак, Афганистан, Ливия и т.д.) сделали практически бесперспективным процесс нераспространения ядерного оружия в Южной Азии.

«Ядерное противостояние» в Южной Азии едва ли закончится в обозримой исторической перспективе. Свою деструктивную роль продолжает играть и *историческая память*, «трепетно» хранящая воспоминания о разделе Индостана, о многочисленных «субконтинентальных» войнах и конфликтах, о потоках беженцев, часто вызывавших личные и общественные трагедии и катаклизмы. Определенную роль в электризации межгосударственных отношений играла и деятельность правящих элит, эффективно использовавших внешние конфликты для консолидации своих внутриполитических позиций. «Субъективный фактор» – важная часть исторического процесса и мировой политики. Невольно вспоминаются слова выдающегося востоковеда Р.Г. Ланды: «...история никогда не развивается по готовым формулам и не руководствуется наилучшими принципами. Она такова, каковы люди, ее делающие» [Ланда 2018, с. 77].

Однако мир необратимо меняется, а его внутренняя структура непрерывно усложняется, и мышление

«категориями геополитических игр» (С.В. Лавров) [Сергей Лавров 2018] грозит до основания разрушить все еще хрупкое здание международных отношений. Параметрические проблемы мира и регионов не решаются с помощью «ядерного противостояния». Повышение доверия между государствами – главное условие построения *системы коллективной безопасности*, действительно способной обеспечить гармоничное развитие чрезвычайно важного, и не только для России, региона Южной Азии.

Список литературы

Володин А. (2006) Свободная геометрия: новая парадигма мировой политики // Политический журнал. № 13(108). С. 4–7.

Ланда Р.Г. (2018) Нескончаем век минувший: Воспоминания. М.: Институт востоковедения РАН.

Сергей Лавров заверил Кабул в приверженности региона разрешению афганского конфликта (2018) // Afghanistan.ru. 9 ноября 2018 // <http://afghanistan.ru/doc/124664.html>, дата обращения 30.11.2018.

Сотников В.И. (2011) К вопросу о ядерной безопасности в Пакистане // Восточная аналитика. № 2. С. 206–210.

Ahmed A., Panda J.P., Singh P.K. (2012) Towards a New Asian Order, New Delhi: SHIPRA Publications.

Ahmed S. (1999) Pakistan's Nuclear Weapons Program: Turning Points and Nuclear Choices // International Security, no 4, pp. 178–204.

Burr W., Richelson J.T. (2000) Whether to “Strangle the Baby in the Cradle”: The United States and the Chinese Nuclear Program, 1960–64 // International Security, no 3, pp. 54–99.

Crouzet F., Clesse A. (eds.) (2003) Leading the World Economically, Amsterdam: Dutch University Press.

Debroy B., Tellis A.J., Trevor R. (eds.) (2014) *Getting India Back on Track. An Action Agenda for Reform*, Gurgaon: Random House.

Ganguly S. (1999) *India's Pathway to Pokhran II: The Prospects and Sources of New Delhi's Nuclear Weapons Program* // *International Security*, no 4, pp. 148–177.

Indian Nuclear Program (2018) // Atomic Heritage Foundation, August 23, 2018 // <https://www.atomicheritage.org/history/Indian-nuclear-program>, дата обращения 30.11.2018.

Karnad B. (2008) *India's Nuclear Policy*, Westport, Connecticut: Praeger Security International.

Kenny P.D. (2017) *Populism and Patronage. Why Populists Win Elections in India, Asia, and Beyond*, New Delhi: Oxford University Press.

Marwah O. (1981) *India and Pakistan: Nuclear Rivals in South Asia* // *International Organization*, no 1, pp. 165–179.

Nuclear Weapons: Who Has What at a Glance (2018) // Arms Control Association, June 2018 // <https://www.armscontrol.org/factsheets/Nuclearweaponswhohaswhat>, дата обращения 30.11.2018.

Pakistani Nuclear Program (2018) // Atomic Heritage Foundation, August 23, 2018 // <https://www.atomicheritage.org/history/Pakistani-nuclear-program>, дата обращения 30.11.2018.

Paranjpe Sh. (2013) *India's Strategic Culture. The Making of National Security Policy*, New Delhi: Routledge.

Perkovich G. (1993) *A Nuclear Third Way in South Asia* // *Foreign Policy*, no 91, pp. 85–104.

Singh J. (1998) *Against Nuclear Apartheid* // *Foreign Affairs*, no 5, pp. 41–52.

Sokolski H. (ed.) (2009) *Pakistan's Nuclear Future: Reining in the Risk*, Carlisle, Pa.: Strategic Studies Institute.

Political Processes in the Changing World

The “Nuclear Confrontation” in South Asia

Andrey G. VOLODIN

DSc in History, Chief Researcher, Section for Political and Culturological Analysis, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: andreivolodine@gmail.com

Vinay SHUKLA

Consulting Editor of Russia and Central Asia, monthly “India Strategic”. E-mail: shuklamoscow@gmail.com

CITATION: Volodin A.G., Shukla V. (2018) The “Nuclear Confrontation” in South Asia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 6, pp. 40–55 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-40-55

ABSTRACT. *The article analyses the dynamics of development of nuclear rivalry between India and Pakistan. The authors identify two central factors in competition between India-Pakistan in the sphere of nuclear weapons. First, India-China border war in 1962 and PRC’s accession to the “nuclear club” in 1964 which left India with no alternative to the “nuclear option”. Secondly, India – Pakistan armed conflicts of 1965 and 1971, which prompted the Pakistani ruling circles to develop own nuclear weapons. The article examines and evaluates main stages in the development of nuclear programmes of India and Pakistan and analyses their impact on the geopolitical situation in the region. The authors draw attention to invisible presence of the “Chinese factor” in their bilateral relations and influence of “all-weather friendship” of Pakistan and PRC on the political processes in South Asian region. Attention is drawn at the need for the creation of system of collective security in the Asian Continent.*

KEY WORDS: *India, Pakistan, Soviet Union, Russia, China, nuclear programmes of India and Pakistan, Indira Gandhi, Atal Be-*

hari Vajpayee, security in South Asia, 1962 border war, India-China relations, nuclear non-proliferation, NPT, nuclear potential of India, nuclear potential of Pakistan

References

- Ahmed A., Panda J.P., Singh P.K. (2012) *Towards a New Asian Order*, New Delhi: SHIPRA Publications.
- Ahmed S. (1999) Pakistan’s Nuclear Weapons Program: Turning Points and Nuclear Choices. *International Security*, no 4, pp. 178–204.
- Burr W., Richelson J.T. (2000) Whether to “Strangle the Baby in the Cradle”: The United States and the Chinese Nuclear Program, 1960–64. *International Security*, No. 3, pp. 54–99.
- Crouzet F., Clesse A. (eds.) (2003) *Leading the World Economically*, Amsterdam: Dutch University Press.
- Debroy B., Tellis A.J., Trevor R. (eds.) (2014) *Getting India Back on Track. An Action Agenda for Reform*, Gurgaon: Random House.
- Ganguly S. (1999) *India’s Pathway to Pokhran II: The Prospects and Sources of*

New Delhi's Nuclear Weapons Program. *International Security*, no 4, pp. 148–177.

Indian Nuclear Program (2018). *Atomic Heritage Foundation*, August 23, 2018. Available at: <https://www.atomicheritage.org/history/Indian-nuclear-program>, accessed 30.11.2018.

Karnad B. (2008) *India's Nuclear Policy*, Westport, Connecticut: Praeger Security International.

Kenny P.D. (2017) *Populism and Patronage. Why Populists Win Elections in India, Asia, and Beyond*, New Delhi: Oxford University Press.

Landa R.G. (2018) *Neskonchayem vek minuvschij: Vospominaniya* [Never-Ending Century Past: Memories], Moscow: Institute of Oriental Studies.

Marwah O. (1981) India and Pakistan: Nuclear Rivals in South Asia. *International Organization*, no 1, pp. 165–179.

Nuclear Weapons: Who Has What at a Glance (2018). *Arms Control Association*, June 2018. Available at: <https://www.armscontrol.org/factsheets/Nuclearweaponswhohaswhat>, accessed 30.11.2018.

Pakistani Nuclear Program (2018). *Atomic Heritage Foundation*, August 23, 2018. Available at: <https://www.atomicheritage.org/history/Pakistani-nuclear-program>, accessed 30.11.2018.

Paranjpe Sh. (2013) *India's Strategic Culture. The Making of National Security Policy*, New Delhi: Routledge.

Perkovich G. (1993) A Nuclear Third Way in South Asia. *Foreign Policy*, no 91, pp. 85–104.

Sergey Lavrov zaveril Kabul v priverzhennosti regiona razresheniyu afgansko-go konflikta [Sergey Lavrov Assured Kabul of the Region's Commitment to Resolving the Afghan Conflict] (2018). *Afghanistan.ru*, November 9, 2018. Available at: Afghanistan.ru/doc/124664.html, accessed 30.11.2018.

Singh J. (1998) Against Nuclear Apartheid. *Foreign Affairs*, no 5, pp. 41–52.

Sokolski H. (ed.) (2009) *Pakistan's Nuclear Future: Reining in the Risk*, Carlisle, Pa.: Strategic Studies Institute.

Sotnikov V.I. (2011) K voprosu o yadernoj bezopasnosti v Pakistane [On the Issue of Nuclear Safety in Pakistan]. *Vostochnaya analitika*, no 2, pp. 206–210.

Volodin A. (2006) Svobodnaya geometriya: novaya paradigma mirovoj politiki [Free Geometry: a New Paradigm of World Politics]. *Politicheskij zhurnal*, no 13(108), pp. 4–7.